

ДЕТИ, ОПАЛЕННЫЕ ВОЙНОЙ

Пестрые заметки памяти

В. С. Андрушкевич

Автор рассказывает историю своего детства в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, дети, немецкий плен.

Я и моя сестра, Галина, родились в Саратове. Я – в 1929 году 12 августа, а Галина – в 1937 году 10 марта. Моя мать, Евдокия Ивановна, родом из села Лысье Горы Саратовской Губернии, женщина смелая и красивая. Она хлебнула «прелести» Октябрьской революции и гражданской войны. Отец мой, Степан Осипович Андрушкевич, родом из Западной Белоруссии, из деревни Мацейкова гора Волковыского уезда Гродненской губернии. В 1914 году был призван во флот. Служил на дредноуте «Андрей Первозванный», затем комиссаром казначейства Кронштадта. По состоянию здоровья был выведен из рядов флота. В Саратове встретил мою мать и они образовали семью. Отец был членом партии большевиков и в Саратове работал руководителем ряда предприятий.

После подписания пакта Молотова–Риббентропа заметная часть Западной Белоруссии отошла к территории СССР. Мой отец обратился в Обком партии с желанием поехать на свою родину и там поработать. Из переписки выяснилось, что в деревне Мацейкова Гора живет сводный брат отца по матери. В начале 1940 года мы всей семьей выехали в Западную Белоруссию и определились в поселке Михайлово, который находился приблизительно в сорока км от города Белосток. Отца быстро утвердили директором текстильного комбината, в который входило двенадцать текстильных фабрик, принадлежавших раньше частным хозяевам. Он был избран секретарем партийного комитета комбината и депутатом поселкового Совета.

До начала войны я успел в Саратове закончить лишь четыре класса. Поселок Михайлово находился на границе Беловежской Пуши. А деревня Мацейкова Гора практически была окраиной Беловежской Пуши. Расстояние от поселка до Пуши было двенадцать км. Я часто на велосипеде ездил из поселка в деревню, где с сыном

брата моего отца занимался рыбалкой на реке Нарев. Это очень интересная река. Летом можно было ее перейти в большей части ее русла. Весной же по ней сплавляли длинные плоты из сосны и ели. Крутые берега реки содержали множество нор, в которых селились налим и раки. И когда своей рукой лезешь в нору, то не знаешь: коснешься ли нежной шкуры налима или тебя крепко клешнями схватит рак. Азарт охоты брал свое. Сама же деревня Мацейкова Гора также своеобразна. В ней всего двенадцать хат, крытых соломой. Семьи десяти хат носили фамилию Андрушкевич. И это не потому, что все были родственниками. Поляки насильственно наделяли фамилиями польского происхождения. Отец мне рассказал предание об истории Мацейковой Горы. Когда-то на крутом берегу реки Нарев была пещера, а в этой пещере жил праведник Мацей. У него висел колокол, и Мацей каждое утро три раза звонил в этот колокол и ждал ответа, так как ниже по реке в трех верстах жил другой инок. Если первый инок слышал ответные три звона, значит второй инок жив. Если же прекращался перезвон, то кто-то из них умер. После смерти Мацея на пологой части берега этого места вдоль реки стала образовываться деревня, которую называли Мацейкова Гора.

В мае 1941 года отец поехал в Саратов, чтобы решить вопросы, связанные с квартирой. И тут грянула война. Отца она застала в Саратове, а нас – в поселке Михайлово. Поскольку отца как коммуниста и руководителя хорошо знали в поселке (а следовательно, и членов его семьи), то мать незамедлительно договорилась с владельцем лошади и он, погрузив наш небольшой скарб, перевез нас из поселка в деревню Мацейкова Гора, где я устроился работать пастухом.

Первая встреча с немецкой армией

Буквально уже днем 22 июня 1941 года немецкие самолеты на бреющем полете с нахально низкой скоростью пролетали над скоплением людей, выискивая для себя цели. Некоторые летчики, лица которых мы отчетливо видели, показывали нам свой язык и махали кулаком. Через два дня на деревне стали говорить, что на шляху (так называлась мощеная камнем дорога) движутся танки и бронетранспортеры. Собралось несколько ребят-пастухов. Среди них выделялся Миша Тарасевич. Он независимо от погоды, всегда носил замызганный плащ. Он был высокого роста. На голове носил настолько засаленную шляпу, что на солнце она блестела как круглая зеркальная поверхность. Миша предложил после водопоя животных и лежки их на отдых, сходить на шлях и посмотреть на немцев. Расстояние до шляха было около полутора км. Нашлись четыре пастуха: Миша, я и еще два пацана (имен их не помню). Мы почти все расстояние пробежали, и когда до шляха оставалось метров сто, вдруг вокруг нас стали врываться в землю пули. Мы как раз попали на участок, где рос сочный и довольно высокий лен. Мы все легли. Я был одет в толстовку, которая подпиралась льном. Я, не поднимаясь, снял толстовку и отбросил ее в сторону. Вскоре послышались крики: «Aufstehen, Hande hoch!» (встать, руки вверх). Мы поднялись. Нас окружали пять-шесть автоматчиков в касках. Не поднялся только Миша Тарасевич. Когда немцы подошли к нему, то стали страшно ругаться. Глядя на нас, они поняли, что расстреливали 11–12-летних ребят, у которых кроме пастушьих кнутов ничего не было. Я поднял свою толстовку, в ней было множество дырок. Подойдя

к Мише, я увидел, что вся его спина возле почек разворочена пулями. Он умирал. Немцы еще раз чертыхнулись и пошли к шляху. Мы уже мертвого Мишу положили в его же плащ и понесли в деревню. По дороге мы поняли, что «амуницию» Миши немцы приняли за солдатскую. На этом всякое желание посмотреть на немцев у нас отпало.

Моя мудрая мать, чтобы соседи не смотрели на нас как на чужаков, попросила в церкви регента взять меня в хор мальчиков при церкви, и я стал регулярно ходить на воскресные службы с хором. Вскоре священник заметил мой голос и посоветовал оформить меня как первый голос в хоре мальчиков. В основном я работал пастухом. В свободное время ловил рыбу и раков в реке Нарев. До сих пор с дрожью вспоминаю нашу безалаберность, когда разбирали снаряды от зенитных орудий и вытаскивали из гильз пороховые заряды в виде вермишели, относили их домой и там в плите сжигали. Эти горы ящиков снарядов были брошены нашей Армией.

Арест и тюрьма Белостока

Осенью 1942 года в деревню приехала грузовая открытая машина с командой солдат СС и офицером СС. Нам дали несколько минут на погрузку. Когда я спросил, куда нас везут, то офицер ответил, что в Белосток. Немцы забрали себе часть наших вещей, в том числе патефон с пластинками. По пути они два раза останавливались, выпивали и закусывали. И для забавы имитировали наш расстрел. Ставили нас к вертикальной стенке песчаного карьера и открывали стрельбу. От ударов пуль песок сыпался, забивал рот, глаза, нос. Мы ждали смертельных пуль, но немцы, прекратив стрельбу, хохотали. Затем заводили наш патефон и с удовольствием слушали. Офицер подошел к моей матери и спросил: «Юде?». Я собрал все знания немецких слов и закричал: «Найн, майне муттер ист руссиш!». Я попросил мать показать офицеру свой паспорт. Он полистал паспорт, фыркнул и вернул его обратно. Нас от всего перенесенного трясло.

Наконец нас привезли в пригород Белостока. Это была довольно большая территория, огороженная колючей проволокой, за которой под открытым небом находились гражданские лица. В этом лагере мы провели около недели. За это время жена брата моего отца приехала из деревни к лагерю и привезла нам мешочек сухарей, который впоследствии нам очень помог. Скоро нас посадили в закрытую машину и привезли в белостокскую тюрьму. Камеры на втором этаже, где нас поместили, были просторные. В каждой из камер помещалось около ста человек. Нужно отметить элементарную гуманную акцию со стороны немцев: они не отделили детей от матерей. Хотя все страдали, но страдали вместе. Взрослый состав камеры – это жены командиров Красной Армии, жены политработников и прочие. Женщины были разных национальностей: русские, белоруски, польки и т.п. Кроме одного исключения, о котором я расскажу позже. Кровати были железные, двухъярусные. Никаких спальных принадлежностей не было. Иногда попадалось какое-то тряпье. Каждое утро начиналось с громкого крика: «Appel!» (поверка), и гулкие по цементному полу шаги возвещали утреннюю поверку заключенных камеры. Открывалась железная дверь, и медленно переваливаясь, появлялась фигура коменданта тюрьмы. Это был высокий плотный мужчина с ярко рыжими волосами, одетый в голубой жандармский

костюм. Его громоздкую фигуру дополняла толстая желтого цвета плеть с набалдашником из свинца, зашитого в кожаный мешочек. Если в одной руке он держал плеть, то второй рукой он удерживал поводком громадную овчарку, готовую рвануться на жертву по сигналу хозяина. Каждому заключенному присваивался номер. При проверке зачитывалась фамилия каждого заключенного, а он, в свою очередь, должен был назвать свой номер. После проверки объявляли завтрак. В баках приносили так называемый кофе, заваренный неизвестно чем с отвратным запахом и кусочек хлеба, также неизвестно из чего испеченного. В обед приносили баланду, сваренную из отрубей, обильно «сдобренную» крысиным пометом. Отруби хранились в сарае, где крысы свободно пользовались отрубями. Есть такую баланду, не зажав нос, практически было невозможно. Вечером опять «кофе» с кусочком хлеба. Вот и все питание. Через один-два месяца после этой еды у людей на теле появлялись здоровенные фурункулы и общее недомогание.

Я хочу рассказать об одной особенности состава заключенных. Среди них была одна еврейская девушка. У нее ничего, кроме легкого платья, не было. Многие женщины дарили ей кусочки тряпья, чтобы можно было что-то постелить и чем-то укрыться. Ей было лет пятнадцать-шестнадцать. Голову ее украшали светлые волосы. Ее глаза всегда излучали радость жизни. Я никогда не видел ее хмурой или грустной. Мы, пацаны, украдкой дарили ей маленькие кусочки сухарей, которые давали нам наши матери. Звали эту девушку Хайка Кадыш. Мы часто играли в камере в известную игру «куча мала». И когда в общей свалке на полу оказывалась Хайка и у нее задиралось платье, то мы с удивлением смотрели на ее рыжий пучок волос в области схождения ног, так как у нее не было даже трусиков. Хайка быстро вставала, поправляла платье и снова быстро включалась в игру. Мы никогда от нее не слышали ни жалоб, ни обид. Хайка заметила у меня проблески музыкального слуха и голоса и стала учить меня еврейским песням. Но вот в начале декабря открылась дверь и прозвучали слова: «Хайка Кадыш!». Хайка смиренно слезла с кровати (была ночь) и пошла за вызвавшим ее офицером. Мы, пацаны, уже приспособились посматривать в окошко с решеткой. Для этого самый сильный вставал около стены. Другой пацан (с нашей помощью) залазил ему на плечи. Наконец, третьему пацану мы общими усилиями помогли взобраться второму на плечи. Третий пацан уже мог свободно смотреть во двор тюрьмы. На этот раз мы снова проделали такой трюк. Двор освещали прожектором, и смотрящий все видел отчетливо. Он доложил, что Хайку вывели и посадили в закрытую машину с трубой. Мы, ничего друг другу не говоря, поняли, что ее посадили в машину с газовой камерой. Я до сих пор не пойму: зачем фашистам понадобился этот фарс? Сначала удивительное дитя природы смешать с людьми других национальностей, дать надежду жить и затем демонстративно убить.

В тюрьме из-за вшивости свирепствовал тиф. Через некоторое время я заболел сыпным тифом, и меня поместили в тюремный лазарет. Дощатый одноэтажный барак можно лишь условно назвать лазаретом, так как никаких лекарств в нем не было. Функции врача в нем выполнял военнопленный, военный врач. В его аптечке был лишь градусник и некоторые сушеные травы, которые он собирал в границах тюремной ограды. Врач присел ко мне на табуретку и стал расспрашивать про меня, про мою пока еще короткую жизнь. Врач сказал, что надеется на мой молодой организм и я преодолею тиф. Похоже, он как-то привязался ко мне. Если он входил в палату, то обязательно подходил ко мне, спрашивал о моем состоянии и давал вы-

пить приготовленную микстуру. Как-то его срочно направили в другой барак, и он несколько дней не появлялся. Я чувствовал, что у меня быстро поднимается температура и попросил у санитаря градусник. Температура была 41°С. Меня стало рвать запекшейся кровью. Затем я потерял сознание. Когда очнулся, то увидел, что около меня сидит врач и говорит, что я уже успел побывать на небесах. А произошло следующее. После того, как прекратилась рвота, санитары не смогли прослушать дыхание, решили, что я умер, и понесли меня в морг. Но морг был уже переполнен и меня положили в коридоре морга. Было начало марта. Когда же наш врач вошел в палату, то сразу заметил, что меня нет. Узнав, что санитары уже отнесли меня в морг, он пошел туда и увидел меня лежащего в коридоре. Пощупав пульс, обнаружил, что сердце еще бьется. Меня срочно возвратили в палату, где я пролежал дней десять. Мое нахождение в коридоре морга не прошло даром: я подморозил ноги. Они приняли коричневый цвет. Когда врач увидел это, то сказал, что срочно выписывает меня в камеру, где я должен до изнеможения каждый день ползать по полу камеры, шевеля ногами. Через месяц таких занятий я заметил, что цвет моих ног стал светлеть. Правда, до сих пор у меня начинают мерзнуть обутые ноги уже при температуре ноль-минус два градуса.

В 1943 году немцы поняли, что им недостает рабочих рук в разных сферах хозяйства. Поэтому нас в конце марта погрузили в закрытые товарные вагоны и направили в Восточную Пруссию на торфоразработки. Они сравнительно недалеко находились от города Ландсберг (Landsberg). В этом месте сосредоточились три лагеря: лагерь пленных красноармейцев, лагерь французских военнопленных и лагерь гражданских лиц. Первые два лагеря были окружены колючей проволокой, оснащены прожекторами и охранялись автоматчиками. У гражданского лагеря не было постоянной охраны. Моя работа заключалась в спуске вагонеток с торфом. Рельсовый путь был с наклоном. В верхней части торфяных разработок накапливали торф, а спускать его нужно было в вагонетках по наклонному рельсовому пути. Работа по спуску вагонетки была опасной. Никакой техники безопасности. Вставляешь чурку или кусок дерева между рамой и колесами и тормозишь путем трения с одним из четырех колес тележки. Чуть не так нажмешь, то разгонишь или опрокинешь тележку с торфом. Мне как-то удавалось работать без аварий. Кормили нас плохо: суп из одной брюквы (коровий корм). Поскольку охраны мы не видели, то после работы вечером с сестренкой отправлялись в ближайшие хутора и просили там милостыню. Некоторые хозяева давали попить снятого молока, а другие отвязывали собаку. Я знал, что если нападает собака, то нельзя бежать и махать руками. Поэтому я прижимал к себе сестренку и стоял смирно, давая собаке обнюхать меня и дожидаясь, когда хозяин отзовет ее.

Советские и французские военнопленные находились в совершенно разных условиях. Благодаря жестокой политике Сталина, Родина нашим военнопленным ничем не помогала. Французы же через Красный Крест регулярно получали посылки. Случилось так, что я как-то приглянулся французам. И когда они получали посылки, всегда звали меня и угощали шоколадом. Звали меня они Вольдемаром. Поскольку я уже немного овладел разговорным немецким языком, а французы знали его уже сносно, то мы разговаривали на разные темы. Я им рассказывал про своего отца, и как попал на торфоразработки. Однажды один из них спросил меня, могу ли я хранить тайну. Я ответил, что смогу, если она связана с добрым делом. Он сказал, что

это только доброе дело – несколько человек попытаются бежать на родину, во Францию. Сколько человек, кто именно и когда, об этом он мне ничего не сказал, сказал только, что для побега им нужна карта Пруссии и Европы, и спросил, не смогу ли я им помочь в этом деле. Я обещал подумать и сообщить в ближайшее время. У меня уже мелькнула мысль, где я могу это достать.

Недалеко от гражданского лагеря находился хутор фермера. В нем проживали хозяин, хозяйка и их сын, которого звали Эрвин. Эрвин на один год был старше меня и регулярно ходил в школу, которая находилась приблизительно в четырех км от хутора. Сверстников-немцев, близких к его дому, у Эрвина не было, а затевать всякие игры ему хотелось. Он неоднократно приглашал меня, и я иногда соглашался. Хотя каждое приглашение у меня вызывало неприятие, а иногда и страх. Дело в том, что он постоянно носил с собой револьвер с полным барабаном мелкокалиберных патронов. Иногда он бросал фразу: «Если будешь играть не по правилам, то одна пуля будет в тебе!» Я понимал, что это не просто шуточная фраза, поскольку для него я был лишь игрушкой. И если он и пристрелит меня, то никто его судить не будет. Кроме того, я не знал, все ли у него в голове в норме.

Ему, как властолюбивому пацану, часто хотелось похвалиться. Для этого он открывал дверь дома и показывал свои игрушки, школьный инвентарь, в том числе географические карты и альбом географических карт. У меня в голове засела мысль: узнать время, когда в доме не будет ни хозяина, ни хозяйки, ни Эрвина. Я сообщил об этом французу. Он сказал, что это очень опасно, но иного выхода нет. Я стал выслеживать, когда хозяин уходит в поле пахать и когда он возвращается. Зафиксировал, когда хозяйка уходит на луг для дойки коровы. Наконец, выяснил уход и приход Эрвина из школы. Естественно, матери своей ничего не сказал. В выбранное время подошел к окну дома. К счастью, оно не было закрыто на засов. Железкой осторожно открыл окно и влез в дом. Подошел к картам. Многие из них были расчерчены карандашом. Значит, ими Эрвин уже пользовался и вряд ли будет к ним в ближайшее время возвращаться. Я выбрал карту Пруссии и карту Европы. Аккуратно свернул их в заготовленный ранее плакат, осторожно вылез из окна и закрыл его.

Я понимал, что если кто-нибудь заметит меня, или кто-нибудь из хозяев вернется, то мне будет «крышка». Меня повесят или растерзают собаками. Я осторожно огляделся и пошел к французам. Там я передал пакет с картами. Француз крепко-крепко пожал мои руки и поблагодарил. На следующее утро я услышал, что французами совершен побег и объявлена тревога. Я надеялся, что если их поймают, то они не выдадут меня как соучастника. Побег происходил и раньше как из русского, так и французского лагерей. Если беглецов ловили, то возвращали в лагерь и прилюдно избивали до смертного конца, чтобы неповадно было. На сей раз никаких известий не пришло. Это означало, что побег удался или беглецы погибли при схватке с карателями.

Когда настали холода, сезон добычи торфа окончился, и нашу семью перебросили в селение Дульцен, расположенное в 6 км от города Эйлау (Eylau). Ранее здесь было чье-то имение с полуразрушенным большим домом с колоннадами. Затем по неизвестным причинам земли и дом этого имения перешли в военное ведомство, где проводились испытания орудий и танков. Об этом свидетельствовало множество дзотов со смотровыми щелями. Здесь уже жило и работало на полях гражданское население. Размещались люди в одноэтажных дощатых бараках. Так как для нас сво-

бодного места не было, то я решил переоборудовать бывшую голубятню под хижину. Натаскал листов фанеры, картона и досок. Обложил ими стены. Достал топорик для сбора дровишек и печурку «буржуйку», чем обеспечил примитивное тепло в голубятне. С питанием стало относительно лучше. Я по ночам лазил на подложку сарая, где хранилась овсяная мука. Из нее мать варила кисель. Приправленный сахаринном он представлял лакомство. Меня определили обслуживать овец: летом я должен их пасти, а в зиму и непогоду кормить нарубленной мною на специальном барабане свеклой. Уход в овчарне тоже приходилось делать мне. Командовал мною шеф, который был специалистом по содержанию и поддержанию породистой отары овец. Он был строгий, но справедливый хозяин. Если я где-то оплошал, то он мог меня кнутом или лозой хлестнуть. Шеф каждое утро в овчарне делал обход отары овец. Если замечал, что какой-то ягненок не резвый, хилый, то брал ягненка за задние ноги и с размаху бил головой его о стену. Потом приказывал мне таким образом отбракованных ягнят относить в овраг. Я забирал их и по пути отбирал двух-трех наиболее приемлемых и укрывал под куском шифера. Вечером же я забирал их, приносил матери, которая варила из них суп.

Общее руководство всем гражданским населением лагеря было предоставлено двум офицерам-инвалидам. У одного из них не было ноги, и он ходил с протезом. Фамилия его была Кирхштейн (Kirchstein). У другого офицера был протез одной руки. Фамилия его была Мартенц (Martenz). Все бы ничего, если бы у некоторых гражданских лиц не было ненависти к людям из России. Особенно к тем, у которых родственники были коммунистами. Лично меня ненавидел один поляк по фамилии Гарабурда. Он откуда-то узнал, что отец мой был в Западной Белоруссии, где возглавлял партийный комитет текстильного комбината. Уже по ночам слышался отдаленный грохот тяжелых орудий, и Гарабурда спешил сделать мне какую-нибудь пакость. Он как раз получил посылку, в которой были два круглых хлеба, в которых были запечены бутылки самогона. Это все мне рассказал его сосед по бараку. Гарабурда взял бутылку самогона, закуску и пошел к Мартенцу. Во время трапезы Гарабурда стал говорить, что вот уже слышен грохот фронта, русские придут сюда, и отец Вольдемара (мой отец) в поисках семьи может прийти сюда. Нужно, мол, наказать Вольдемара, чтобы он сидел, как мышь. Мартенцу пришла мысль, он послал за мной. Когда я подошел к нему, он сказал: «Освободи дерьмо из всех туалетов, и, когда освободишь, доложишь мне». У немцев туалеты строились так. Для фекалий ям не было, а двигались прочные открытые ящики с кольцом в наружной боковой части ящика. Когда ящик наполнялся фекалиями, то подводили двух быков с прочной деревянной тягой с крюком. Крюк вставлялся в кольцо, и быками ящик вытаскивался наружу. Сам я ранее не выполнял такую работу, а лишь наблюдал за работой не менее двух мужиков. Я понял, что за день не справлюсь ни с одним туалетом. А их было четыре. Меня охватила злость, отчаяние и обида. Не понимая, что я делаю, я просто побежал в поле прочь от лагеря. Пробежал я около трех км, как услышал стук копыт лошади. Я обернулся и увидел, что меня нагоняет взъяренный Мартенц. Он слез с лошади и спросил: «Что, решил бежать из лагеря?» Одной рукой (точнее протезом) он держал поводком лошадь, а другой (здоровой) рукой стал бить меня, подталкивая к лагерю. Он поочередно бил то по спине, то по голове своим подошком. От непрерывных ударов по спине у меня изо рта шла кровь, а от ударов по голове стоял непрерывный гул и жуткая боль. Я падал. Он поднимал меня

и снова бил. Когда мы подошли к лагерю, я увидел толпу женщин, глядя на меня, они плакали. Мартенц прокричал: «Руссиш швайн!» и ушел. Женщины помогли мне добраться до моей «голубятни», отмyli лицо и грудь от крови. Мать была в поле и не видела этой картины. Я кое-как добрался до своего лежака и потерял сознание. Когда я очнулся, около меня сидела мать и плакала. Через сутки у меня поднялась температура. Я все же с трудом выполз и пошел по направлению к оврагу. Немцы отступали и нередко бросали оружие. Я нашел карабин с магазином патронов. Им я хотел убить Мартенца, но Мартенц уже исчез.

Я заметил, что плохо стал засыпать или рано просыпаться. Я связываю это с множеством ударов по голове. С тех пор и по настоящее время я страдаю бессонницей.

Вскоре вошли части Красной Армии. По просьбе моей матери, командир батальона выделил нам двух бракованных лошадей, а повозку и упряжь для лошадей мы нашли сами. Я не буду описывать, как мы добрались до границы. По пути в одном из городков Пруссии меня положили в госпиталь, где лечили раненых солдат и офицеров. Я пролежал там около двух недель. На лошадях и телеге мы, наконец, добрались до пограничного города Кирбартай, который принадлежал уже Литве и где находился фильтрационный пункт. Там проводилась проверка всех гражданских лиц, желающих покинуть Пруссию и направиться в СССР. Мы на поезде приехали в белорусский город Волковыск, который ближе всего находился к деревне Мацейкова Гора. Мать по сохранившемуся блокноту стала слать телеграммы в Саратов старым знакомым, чтобы найти отца. В Волковыске она заболела брюшным тифом, и я взял на себя все заботы о больной матери (она лежала в больнице) и сестренке. Вскоре от отца в Волковыск пришла телеграмма, и он сам приехал. Мать надеялась хоть часть вещей забрать из Мацейковой Горы. Мы с отцом пытались пройти в Мацейкову Гору, но она по новым границам отошла к Польше, и нас без специальных документов туда не пропустили. Тогда мы из Волковыска всей семьей поехали в Озинский район Саратовской области, где отец работал заместителем директора сланцевых рудников. Отец мой был скрупулезно честным человеком и мешал проворачивать незаконные дела всяким проходимцам. Они его любыми способами вытесняли, и он не мог долго работать на одном месте. Из сланцевых рудников мы переехали в село Советское, где отец стал работать директором мукомольного комбината. Село Советское Саратовской области было районным центром. И запомнился он мне тем, этот районный центр, что мою мать каждую неделю вызывали в НКВД, где задавали один и тот же вопрос: «Почему вы из Пруссии не пробирались в Советский Союз?» Спрашивающий из НКВД, наверное, знал, как женщина с пятилетней дочерью и двенадцатилетним пацаном могла без помех, без еды пройти Пруссию, Польшу, часть Белоруссии и, наконец, «прогулкой» перейти линию фронта. Мне становилось страшно, что в органах НКВД сидят такие безмозглые люди. Поэтому я ни в школе, ни в университете никому не рассказывал мою историю детства.

Поскольку до начала войны я успел закончить четыре класса, в школе, которая была в сланцевых рудниках, я за один год прошел программу пятого, шестого и седьмого классов. Седьмой класс я закончил с отличием. Учился я остервенело. В селе Советское я окончил восьмой класс. Из Советского мы перебрались в город Энгельс. В Энгельсе я закончил девятый и десятый классы. Жили мы очень бедно. Я хотел было устроиться на работу, но мать настояла, чтобы я поступил в вуз. Я по-

ступил в Саратовский университет на физический факультет. У меня была мысль послать во французскую газету краткую заметку про историю побега, но страх, что меня заподозрят в надуманных грехах, остановил. На третьем курсе всех студентов обязали заполнить анкеты для допуска к секретным работам. Я, прежде чем ее заполнять, пошел к начальнику отдела кадров университета. Это была женщина, и ей первой кратко рассказал историю моего детства. Она спросила меня: «Сколько Вам было лет?» Я ответил. Тогда она мне сказала, что на детей такого возраста понятие плена и т.д. вообще не распространяются. И посоветовала спокойно заполнить анкету, кратко ответив на все вопросы. Дальнейшая моя жизнь, научная работа – это совсем другая история. На этом я заканчиваю «пестрые заметки» моей жизни в военные годы. Я 46 лет проработал на кафедре электроники (ее первое название), защитил кандидатскую, потом докторскую диссертации. Руководил коллективом по выполнению важных для нашей обороны задач. Опубликовал более 100 печатных работ, соавтор более 20 авторских свидетельств. По состоянию здоровья вынужден оставить работу. Сейчас я пенсионер, инвалид.

Желаю молодому поколению чаще обращаться к истории Великой Отечественной войны.

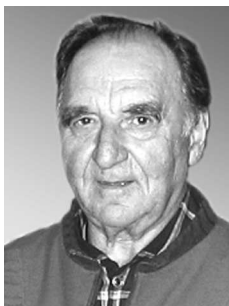
WAR-SCORCHED KIDS

Mixed notes of memory

V. S. Andrushkevich

Memory notes about childhood at the time of the Great Patriotic war.

Keywords: Great Patriotic war, children, captivity.

Андрушкевич Владимир Степанович – родился в Саратове (1929), окончил Саратовский государственный университет (1954). После окончания университета работал в СГУ. Защитил диссертации на соискание ученой степени кандидата (1964) и доктора физико-математических наук (1987) в области вакуумной и плазменной электроники. Опубликовал более 100 работ по указанным направлениям.

410012 Саратов, ул. Астраханская, 83
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского